Политико-правовые взгляды классиков евразийства на проблему разделения властей

НАЗМУТДИНОВ Булат Венерович, доцент кафедры теории и истории права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидат юридических наук
Россия, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, 20
E-mail: bnazmutdinov@hse.ru

Ключевой целью теоретиков разделения властей Дж. Локка и Ш.-Л. Монтескье было предотвращение тирании, концентрации власти. Однако для классиков евразийства наиболее важной политико-правовой проблемой после двух революций 1917 г. и Первой мировой войны стало не тираническое правление, а само существование Российского государства. Цель их политико-правовых проектов состояла в наполнении «пустых» либерально-демократических форм конкретным содержанием. В связи с этим евразийский государствовед Н. Алексеев отрицал идею независимости суда. По его мнению, судебная власть не должна быть независима от других ветвей власти: она призвана воплощать в себе народное и государственное начала, не быть безучастным арбитром при разрешении споров, а вместе с другими участниками процесса стремиться отыскать истину. Впоследствии Н. Алексеев, находясь под впечатлением судебных процессов в СССР конца 1930 гг., высказался в пользу принципа независимости суда, отвергнув идею о том, что судебные реформы 1864 г. имели неблагоприятное значение для правовой системы России.

Взамен разделению властей евразийцы предлагали идею баланса властей: «народно-демократической» и «идеократической». Первая, по мнению Н. Алексеева, воплощалась бы в системе Советов, формируемых по «принципу заступления», вторая — в наличии «государственного актива», отбираемого по принципу верности «общей идее», евразийству. Н. Трубецкой предлагал концепцию «многопарламентского правления»: в этой системе партийные выборы были бы неуместны: каждый из граждан голосует не за партии, а за специальные организации, представляющие их интересы в определенной сфере общественной жизни. Наиболее влиятельная из этих палат состояла бы из «идеологов».

Воззрения евразийцев, с одной стороны, можно рассматривать в контексте идей теоретиков «классического естественного права», изображавших политическое правление прежде всего в терминах целей и добродетелей, а не учреждений и четких институциональных решений, с другой, — в сравнении со взглядами иных авторов, традиционно рассматриваемых в рамках идеологий «третьего пути». Идеи евразийцев также были созвучны советским конституционным проектам, отвергавшим привычные концепции разделения властей.

Ключевые слова: разделение властей, правовое государство, классическое евразийство, смешанное правление, история русской мысли.

Для цитирования: Назмутдинов Б. В. Политико-правовые взгляды классиков евразийства на проблему разделения властей // Журнал российского права. 2020. № 5. С. 23—37. DOI: 10.12737/jrl.2020.052

Political and Legal Views of Classical Eurasianists on the “Division of Powers”

B. V. NAZMUTDINOV, National Research University “Higher School of Economics”, Moscow 101000, Russian Federation
E-mail: bnazmutdinov@hse.ru

The objective of the “division of powers” theorists J. Locke and Ch.-L. Montesquieu is to prevent tyranny and concentration of power. However, for the classics of Eurasianism, the most important political and legal problem after the revolutions of 1917 and the First World War is not tyranny, but the existence of Russia as a state. The purpose of their political and legal projects is to fill the “empty” liberal democratic forms with concrete content. In this regard, the Eurasianist political theorist Nikolai

Alekseev denies the idea of judicial independence. In his view, the judiciary should not be independent from the other branches of power: it is organized to embody the people's and state principles and it should not to be an indifferent arbitrator in the dispute resolution. Judges should strive to find the truth together with other participants in the process. Afterwards, Alekseev, who was impressed by the trials in the USSR during 1930s, favors the principle of judicial independence, rejecting the idea that judicial reforms in 1864 were harmful to the Russian legal system.

In return for the separation of powers, the Eurasianists advocate the idea of a balance of “demotic” and “ideocratic” powers. In Alekseev's opinion, the “demotic” power is embodied in a system of councils (“soviets”) formed on the basis of the “principle of intercession”> Then the “ideocratic” power is in the presence of a “state elite”, selected on the basis of fidelity to the “common idea” — Eurasianism. Nikolai Trubetskoy suggests the concept of “multi-parliamentary rule”: in this system party elections would be inappropriate: citizens vote not for parties, but for special organizations representing their interests in a certain sphere of public life. The most powerful of these chambers would consist of “ideologists”.

The views of Eurasianists, on the one hand, can be put in the context of the ideas of “Classical Natural Law” theorists, who depict political governance primarily in terms of goals and virtues rather than institutions and concrete organizational solutions. On the other hand, Political Eurasianism has similarities with the views of other authors traditionally considered under the “Sonderweg” ideologies. It is also in line with Soviet constitutional projects that rejected the usual concepts of the division of powers.

Keywords: division of powers, rule of law, classical Eurasianism, mixed government, history of Russian thought.

For citation: Nazmutdinov B. V. Political and Legal Views of Classical Eurasianists on the “Division of Powers”. *Zhurnal rossijskogo prava* = *Journal of Russian Law*, 2020, no. 5, pp. 23—37. DOI: 10.12737/jrl.2020.052 (In Russ.)

В отечественной Конституции Россия провозглашена правовым государством, в котором власть осуществляется на основе разделения властей. Однако прежде чем принимать эти положения на веру, важно понять, сквозь какую призму мы их наблюдаем.

Россия существует в системе постсоветского капитализма с либеральными ценностями, упомянутыми в Конституции, и уникальными реальными механизмами власти. То, что конституционный неолиберализм может сказать о себе, — это прежде всего апология, пусть и убедительная. Следует выявить скрытые основания российской модели правового государства, осмыслить критику концепций разделения властей со стороны иных, нелиберальных, альтернатив. Одной из них может стать классическое евразийство, традиционно отличающееся от неоевразийства 1990—2000 гг.

Основателями евразийства в начале 1920-х гг. стали филолог Н. С. Трубецкой (1890—1938), экономический географ П. Н. Савицкий

(1895—1968), музыковед П. П. Сувчинский (1892—1985), философ и историк Г. В. Флоровский (1893—1979); в 1926 г. к евразийству присоединился юрист, государствовед Н. Н. Алексеев (1879—1964). Авторы ставили вопрос об уникальности России, поскольку ее очертание и исторический путь отличны от пространства и судеб Европы и Азии. Особенный мир России-Евразии, по мнению евразийцев, нуждается в особой политико-правовой форме. Осознавая проблему территориальной целостности Российского государства, авторы обосновывали ее субстанциально, через единство равнинного по преимуществу мира: Евразия отделяется от Европы «пулковским» меридианом, границей с Азией служат хребты Кавказа, Памира, Тянь-Шаня и т. д. Единство такого пространства отрицает отчуждаемость территорий, отвергает право сецессии.

Евразийцы жили на сломе эпох, видели итоги Первой мировой войны, крушение нескольких империй, две революции 1917 г., эмиграцию. Наблюдая кризис парламент-

ской демократии после 1918 г., они отрицали буржуазные, европейские правовые формы и принципы, в том числе идею правового государства, принцип разделения властей. Чем обосновывалось подобное неприятие правового государства? Что предлагалось взамен разделению властей и почему? Ответам на эти вопросы посвящена настоящая статья.

Однако прежде следует охарактеризовать ключевые понятия. «Государство» в данной статье — особый властный институт, созданный в Европе в раннее Новое время. Это деперсонифицированная, созданная людьми корпорация, отличная от личностей правящих и подвластных, а также именуемая суверенной внутри определенной территории.

«Правовое государство» (Rechtsstaat) — политико-правовая конструкция, созданная в начале XIX в. в континентальной Европе. Ее основными принципами считаются: 1) принцип признания личности и ее прав ключевой правовой ценностью, ограничивающей произвол публичной власти; 2) особая политическая форма, состоящая в разделении властей и не допускающая юридической и фактической концентрации властных полномочий у одного лица или же государственного органа; после Ш.-Л. Монтескье тремя разделенными ветвями власти считаются законодательная, исполнительная и судебная¹.

Правовое государство легче воплотить в выборной демократии, где опасаются несменяемости органов государственной власти, способных помочь установлению тирании (исключение делается лишь для судей). Институциональной поддержкой правового государства выступает гражданское общество, от-

носительно автономная от государственной власти совокупность организаций и отношений, где ключевым началом становится самоуправление, а «политическое» перестает быть жестко привязано к государству.

Если взглянуть на проблему сквозь призму этих определений, можно заметить, что правового государства в античной Греции быть не могло, хотя его зачатки ищут именно там.

Во-первых, существует устойчивая критика именования полиса «государством», утверждающая, что гражданская (полисная) община представляла собой самоуправляемое сообщество, а не государство с особой субъектностью². Во-вторых, привычные для нас разделение властей, верховенство права как политического регулятива были неизвестны древним грекам. Попытки увидеть его в античности являются анахронизмом, к созданию которых причастны многие политики и юристы.

Древнегреческий поэт Пиндар в весьма ироническом ключе писал о νόμος βασιλεὺς (nomos basileus³), царствующем законе, «законе-владыке». Аристотель позже упоминал о «правлении законов, а не людей». Эти формулировки впоследствии дали возможность переводчикам и интерпретаторам пойти намного дальше античных мыслителей. В статье 30 Конституции штата Массачусетс 1780 г., написанной Джоном Адамсом, использовалась англоязычная калька аристотелев-

² См.: Кревельд М. ван. Расцвет и упадок государства. М., 2006. С. 38—45; Жувенель Б. де. Власть. Естественная история ее возрастания. М., 2011. С. 141.

³ «Закон надо всеми владыка, Над смертными и бессмертными... Творит насилье рукою могучею, Прав он всегда. В том мне свидетель Геракл...» (Plato. Gorgias. Oxford, 2008). Причем у древних греков νόμος обозначал не только закон, но и обычай. См.: Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. М., 1991. С. 851.

¹ См.: Монтескье Ш.-Л. О духе законов. М., 2011. С. 156—167 (см. гл. VI «О государственном устройстве Англии» книги XI «О законах, устанавливающих политическую свободу в ее отношении к государственному устройству»).

ской идеи: a government of laws, and not of men⁴. Англосаксонский аналог «правового государства», знаменитое Rule of Law, обоснованное Альбертом Дэйси, также возводят к этой традиции. Однако Аристотеля, Полибия и Цицерона интересовало прежде всего не «правление права», а гармоническое сочетание элементов различных форм (монархии, аристократии и народного правления): именно так они стремились не допустить тирании. Античных мыслителей волновал вопрос о смешанном политическом строе, стоявшем на пути политического регресса, убедительно описанного Платоном в диалоге «Πολιτεία» («Государство»), но отнюдь не правовое государство или господство права.

Классик английской концептуальной истории Квентин Скиннер снисходительно описывал попытки интерпретаторов увидеть разделение властей и гарантии конституционных свобод уже у Марсилия Падуанского⁵. Подобная снисходительность допустима, поскольку о правовом государстве и разделении властей в государстве можно говорить только после возникновения и обоснования самого государства, т. е. в период раннего Нового времени. В конце XVI в. Жан Боден стал апологетом нового политического образования (королевского государства), когда писал о суверенитете как свойстве королевской власти возвышаться над иными властями — церковью, аристократией, империей. Томас Гоббс стал одним из первых идеологов государства вообще, но государства абсолютного⁶.

Со временем государство как суверенное политическое образование стало всерьез угрожать иным социальным институтам. И если Боден и Гоббс отвечали на вопрос «Почему возможно государство и как его можно обосновать?», то ключевой проблемой политических философов зрелого Нового времени, защищавших разделение властей, стала возможность тиранического правления уже в рамках государства.

Нетерпимость многих мыслителей этого времени к тирании, осуществляемой единолично или коллективно, была унаследована не только от Аристотеля, но и Платона (вспомним платоновскую критику тиранической души и тиранического правления). Монтескье подчеркивал, что основой республики является добродетель, выражающаяся в стремлении к равенству или умеренности, монархии — честь; в тирании же нет политической добродетели, ее подменяет страх⁷. Как и Джон Локк, Монтескье стремился показать, как разделить власти, чтобы не допустить тирании⁸. Это же волновало и отцов-ос-

Шесть книг о государстве // Антология мировой политической мысли: в 5 т. Т. 2. М., 1999. С. 689—695; Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М., 2001. С. 119.

⁷ См.: Монтескье III.-Л. Указ. соч. С. 31.

⁸ Оба автора предлагали свои проекты, используя английские политические координаты. Вместе с тем существовала более ранняя английская политическая традиция, в рамках которой тирания ограничивалась нормами смешанной монархии (mixed monarchy). Причем это был взгляд на проблему с точки зрения королевской власти. Однако позднее, в XVIII—XIX вв., идею смешанного правления (mixed government) успешно использовали сторонники парламента. См.: Weston C. C. English Constitutional Doctrines from the Fifteenth Century to the Seventeenth: II. The Theory of Mixed Monarchy Under Charles I and After // The English Historical Review. 1960. Vol. LXXV. Iss. 296. P. 426—443.

⁴ John Adams & the Massachusetts Constitution. URL: <https://www.mass.gov/guides/john-adams-the-massachusetts-constitution> (дата обращения: 17.02.2020).

⁵ См.: Скиннер К. Значение и понимание в истории идей // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. М., 2018. С. 59.

⁶ См. определения «суверенитет» у Бодена и «государство» у Гоббса: Боден Ж.

нователей США. Проблема разделения властей, затрагивающая проблему «сдержек и противовесов», недопустимости концентрации власти, кристаллизовалась к концу XVIII в., чтобы уже в XIX в. найти отражение в более четких требованиях к политической форме правового государства, которую Карл Шмитт именoval «смешанной», сочетающей черты монархии, аристократии и демократии⁹.

Евразийство и классическое естественное право. Классическое евразийство возникло после того, как идея правового государства преодолела пик своей популярности: на 1920—1930 гг. приходится кризис либеральной демократии и прежних автократических монархий. Евразийцев заботило не то, как предотвратить тиранию, а скорее — как наполнить европейские политические формы, казавшиеся им «пустыми», конкретным содержанием и установить справедливое правление на фоне крушения привычных механизмов власти. При чем «справедливое» не в связи с рациональностью институтов, предотвращающей узурпацию власти, а по существу, содержательно. В ответ на такие вызовы возникали евразийские модели «государства правды» М. В. Шахматова, «идеократии» Н. С. Трубецкого, «подданства идеи» П. Н. Савицкого¹⁰.

Говоря языком политического философа Лео Штрауса, евразийские альтернативы правовому государству возвращают нас к домакиа-

веллистским идеям¹¹ классического естественного права.

По Штраусу, классический (античный и средневековый) юснатурализм в отличие от взглядов Макиавелли, Гоббса и Локка представлял «...режимы не столько в терминах учреждений, сколько в терминах целей, действительно преследуемых обществом или его авторитетной частью... они [классики естественного права] считали наилучшим режимом тот, чьей целью является добродетель, и они полагали, что хотя надлежащие учреждения действительно необходимы для установления и сохранения правления, но их важность только вторична по сравнению с “образованием”, т. е. формированием нравов»¹².

Подобная концентрация на целях правления, а не на его устройстве дала основание Г. Д. Гурвичу (1894—1965) выступить с едкой критикой в адрес евразийцев. Он упрекал их в абстрактности и нелепых обобщениях, позволяющих отождествить «правду» и «право по содержанию», «государство правды» с якобы уникально русским политическим устройством, «право по форме» и правовое государство — с Западной Европой¹³.

Критика независимости судебной власти. Важно заметить, как евразийская реанимация классического естественного права влияла на критику разделения властей. Начать нужно с критики судебной власти, поскольку именно этому вопросу главный евразийский юрист Н. Н. Алексеев уделил особое вни-

⁹ См.: Шмитт К. Учение о конституции // Шмитт К. Государство и политическая форма. М., 2010. С. 36.

¹⁰ См.: Шахматов М. В. Государство правды: опыт по истории государственных идеалов в России // Евразийский временник. Кн. IV. Берлин, 1924; Трубецкой Н. С. О государственном строе и форме правления // Евразийская хроника. Париж, 1927. Вып. 7. С. 3—9; Савицкий П. Н. Подданство идеи // Евразийский временник. Кн. 3. Берлин, 1923. С. 9—17.

¹¹ При этом Макиавелли предложил идею «арканов власти» также во время глубокого кризиса — кризиса политического правления в Италии, прежде всего во Флоренции.

¹² Штраус Л. Естественное право и история. М., 2007. С. 186.

¹³ Подробнее об этом см.: Назмутдинов Б. В. Критика Г. Д. Гурвичем правовых воззрений евразийцев // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2014. № 1. С. 203—214.

мание, подчеркнув, что «ни одна из областей государственной жизни не отображает в себе с такой явственностью культурные особенности народов, как судебные установления»¹⁴.

Статус суда в доктрине разделения властей Алексеев считает ярким символом либерально-демократического, минимального государства. Суд — один из первых атрибутов государственной власти. Он есть нейтральная сила, способная на беспристрастное суждение. Но из-за «классовости» государства вынести это суждение очень сложно. Лишь в «государстве трудящихся» возможен истинный, внеклассовый суд¹⁵.

Однако в современном Алексееву буржуазном государстве суд представляется «государством в государстве», независимым от иных частей государства, неподвластным другим властям. Такое стремление к «независимости суда», по Алексееву, возникает из-за безотчетного страха перед государством. Между тем свободный от государства суд может попасть под влияние других влиятельных сообществ — корпораций и проч. По этим причинам ученый провозглашает «принцип независимости суда от государства»: суд не может быть свободен от государственного надзора¹⁶.

При этом автор подчеркивает различия между исполнительной и судебной властями: «Носители власти управления призваны нелицеприятно исполнять закон в известных жизненных целях, а судья исполняет закон в специальных целях отыскания и установления права»¹⁷, поэтому судья сменяется только в особо важных обстоятельствах. По той же причине, как подчеркивал Монтескье, «судебная власть в из-

вестном смысле как бы совсем не власть»¹⁸.

Схожая идея встречается и у Алексеева: основная задача суда не в том, чтобы воплотить свою власть, принудив кого-то к чему-то. Судебная власть высказывает авторитетное, беспристрастное суждение о факте или праве, но меч этой власти в руках у других, прежде всего — исполнительной власти. В этом и состоит основная слабость судебной власти при разделении властей. Однако суд не может быть исполнителем своих же решений: это ведет к тирании.

Алексеев вторит Монтескье и следующим тезисом: судебная власть должна быть сформирована при участии народа. «Судоустройство наше эпохи “великих реформ”» отвлеченно было не плохо, но конкретно оно совершенно не считалось с состоянием народного правосознания и с глубокими историческими традициями, в нем коренившимися»¹⁹. Судебная реформа 1864 г., по мнению Алексеева, не была органична для истории России-Евразии из-за желания ее организаторов обеспечить его абстрактную «независимость» суда.

Суд в России, по мнению ученого, должен быть народно-государственным: «...ни князь не мог судить без посадника, ни посадник без князя»²⁰; Алексеев цитирует Псковскую судную грамоту. По его мнению, для разрешения споров в суде должен быть один представитель от публичной власти, другой — от общества. Судебник 1497 г. устанавливал запрет на рассмотрение дела без приглашения старосты и «лучших людей». С 1649 г. началось искоренение народного начала, осталось лишь государственное: на суде наместника уже не присутствуют староста и целовальник, суд переходит в руки приказных людей. В Российской империи после

¹⁴ Алексеев Н. Н. Записка о суде // Евразийская хроника. Вып. IX. Париж, 1927. С. 18.

¹⁵ Там же. С. 16.

¹⁶ Там же. С. 17.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Монтескье Ш.-Л. Указ. соч. С. 161.

¹⁹ Алексеев Н. Н. Записка о суде. С. 18.

²⁰ Там же.

1864 г. началось внедрение народного элемента (присяжных заседателей) по западным образцам. При этом для широких слоев населения сохранялось волостное право, в рамках которого не было судопроизводства с участием присяжных. Таким образом, даже после судебных реформ сохранялся дуализм «европейских форм» процесса и «народных» (волостных) судов.

Алексеев отмечает, что народам России, как и германцам, изначально были чужды «романские формы» процесса. Состязательность была уже у славян, но она не носила гипертрофированного характера. Внедрение инквизиционного, письменного процесса отражает немецкое влияние на Петра I. Состязательный же процесс в его последней, «романско-либеральной», форме предстает у Алексеева утверждением начала личной автономии в суде и отражает общую структуру государства, лишённого положительной миссии. Государство, считающее идеалом принцип невмешательства, может лишь минимально вмешиваться в рассмотрение спора.

Осуждение Судебной реформы 1864 г. за то, что ее авторы не учли особенностей развития Российского государства²¹, сближает Алексеева с известным русским мыслителем конца XIX в. К. Н. Леонтьевым. Но то, что у Леонтьева часто звучало как лозунг²² и далее сопровождалось скорее публицистическими, нежели научными аргументами, Алексеев попытался обосновать теоретически.

²¹ Н. Я. Данилевский, напротив, считал судебную реформу 1864 г. возвращением к исконно русским порядкам (см.: *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа // Классика геополитики, XIX век. М., 2003. С. 457—459).

²² «Гласные суды стали, благодаря духу интеллигенции нашей, одним из орудий, медленного и по приемам легального разрушения всего старого» (*Леонтьев К. Н.* Чем и как наш либерализм вреден // *Леонтьев К. Н.* Восток, Россия и славянство. М., 2007. С. 496).

По мнению Алексеева, возвращение к 1864 г. невозможно, поскольку судебные уставы противоречили народному правосознанию. В них нет абсолютных истин, поскольку судопроизводство является «делом юридической техники». И поскольку это лишь техника, т. е. реализация целей, она не самодостаточна, главное в ней — вопрос удобства и полезности²³. Положительной целью судопроизводства для евразийцев является установление истины, поэтому государственный суд не может быть просто беспристрастным арбитром. Суд должен не только служить сторонам, но и оценивать их поступки на соответствие публичным интересам. Государство, таким образом, не ждет, пока одна из сторон победит в состязании, а реализует свою положительную миссию, активно участвуя в процессе. Ученый отстаивал активное участие суда в процессе, поиск и истребование им доказательств. По делам, связанным с гражданским оборотом, прокурор, по его мнению, может заявить требования, даже когда стороны их не предъявляют²⁴.

Народный элемент судопроизводства выражен в наличии в гражданском процессе народных заседателей. Алексеев поддерживал эту черту советского судопроизводства и в целом отстаивал модели судопроизводства в СССР второй половины 1920 гг., однако хотел, чтобы оно из классового стало «общенародным», евразийским²⁵.

²³ В отличие от правовых норм, устанавливающих прежде всего правомочия субъектов, особенностью технических норм, по Алексееву, является их устремленность на конкретный, достижимый результат. Они суть «...правила целесообразности, выражаемые в формуле: если требуется достигнуть известного результата, должно применять такие-то и такие-то средства» (*Алексеев Н. Н.* Религия, право и нравственность. Париж, 1930. С. 35—36).

²⁴ См.: *Алексеев Н. Н.* Записка о суде. С. 20—21.

²⁵ Там же. С. 22.

После процессов 1937 г. Алексеев свое основное мнение о суде изменил: «Дореволюционная Россия имела хорошие суды — и потому в ней, по крайней мере в правящих классах, существовал правовой быт. Свойственный старой России административный произвол был бы преодолен, если бы администрация была ответственна перед судами и если бы каждый гражданин имел возможность обращаться к судам для защиты своих прав от административного давления. В этом отношении самая скромная и незаметная статья уголовного кодекса и судебных уставов имеет гораздо более реальное значение, чем самые пышные декларации прав “трудящегося народа”. Организация правильной и справедливой судебной защиты есть, таким образом, одна из первых задач будущей конституции»²⁶.

Тем самым ученый вернулся к идее независимости судебной власти. В это же время он поменял свое отношение к советскому государственному строю. Если в 1936 г. автор надеялся, что ленинизм, названный им «евразийским марксизмом», сможет сочетать «народное» и «диктаториальные» начала в управлении²⁷, то ход судебных процессов в СССР убедил его в обратном²⁸. Принуждение к общности мировоззрения «...создает мертвую, казенную идеологию, которую люди проповедают из-под палки, в душе своей в нее не веря и ее ненавидя. Оно при-

учает людей лгать, вызывает массовое лицемерие, превращает людей в носителей каких-то масок и создает глубоко подпольную психологию, которая нам так хорошо знакома и по практике старого режима, и по нравам современной советской России»²⁹.

Критика независимости законодательной власти. Однако в конце 1920-х гг. Алексеев все еще вдохновлялся советскими государственными проектами. В записке о преобразовании советского государственного строя (1929), содержавшей общий проект формы государства, автор утверждал: «Высшим органом государства, как союза автономных округов, является Всероссийский Съезд окружных депутатов (по одному от каждого округа), который собирается на обыкновенные сессии раз в три года и может быть созван государственным старшиной на чрезвычайные сессии в случае явившейся надобности. Съезд определяет общие принципы политики государства и контролирует деятельность других высших государственных органов, обязанных перед ним отчетом... Съезд на особом заседании избирает в качестве постоянных верховных органов государства: а) государственного старшину и б) Центральный исполнительный комитет Съезда... Государственный старшина является постоянным представителем верховного государственного управления. Он командует вооруженными силами государства, представляет государство во внешних сношениях и назначает на высшие государственные должности. Он избирается Съездом на три трехлетия с правом переизбрания по истечении срока его полномочий»³⁰.

²⁶ Алексеев Н. Н. О будущем государственном строе в России // Новый град. 1938. № 13. С. 113.

²⁷ См.: Алексеев Н. Н. Пути и судьбы марксизма: от Маркса и Энгельса к Ленину и Сталину. Берлин, 1936. С. 82.

²⁸ «Режим [в СССР] вынес сам себе смертный приговор — помиловать его можно только тогда, когда он скажет: я требую, чтобы человек был не только патриотом, но и моральной личностью, истинным человеком» (Алексеев Н. Н. Изобличенный Смердяков // Новая Россия. 1937. № 21. С. 11—12).

²⁹ Алексеев Н. Н. О гарантийном государстве // Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М., 1998. С. 373.

³⁰ Алексеев Н. Н. К вопросу о преобразовании советского государственного строя // Евразийский сборник. Прага, 1929. С. 80.

Перед нами модифицированный советский проект, в нем есть официальный глава государства, установления которого избегали советские конституции. «Персональность» правления объяснима в том числе тем, что в отличие от других евразийцев Алексеев всегда считал подлинной личностью только индивидуального субъекта. Во главе государства стоит индивид³¹: «Государственный старшина в течение сессии Съезда образует правительство в лице совета народных комиссаров сроком на три года. Причем комиссары по внешним и военным делам назначаются самим государственным старшиной; кандидаты в начальники чисто технических ведомств представляются Съезду соответствующими профессиональными организациями, избираются Съездом и утверждаются государственным старшиной»³².

Алексеев тем самым отвергал идею разделения властей. Задачей его проекта провозглашается «искание форм подлинного народовластия, связанное с идеей сильной власти»³³. Проект при этом «не вводит “разделения властей” в смысле теории Монтескье и западного конституционного права. Это начало специализации впервые создает в СССР возможность утверждения начала формальной законности, отличия закона от указа, первенства закона над простым административным распоряжением. Она создает условия для борьбы с тем порядком, на основании которого “законодатель-

ствовать” могли все, закон, изданный, высшим органом, мог быть отменен низшими органами. Конечно, это — только возможности, далекие от реальностей, но все же здесь виден поворот, новый для марксистского понимания закона и права»³⁴.

Взамен классической идеи разделения властей евразийцы предлагали идеи баланса властей: народно-демократической³⁵ власти (динамического начала) и идеологической константы. Первая, по мнению Алексеева, воплощалась бы в идее советов, формируемых по «принципу заступления», вторая — в наличии «государственного актива», отбираемого по принципу верности общей идее, в данном случае — евразийству³⁶. Причем этот баланс властей затрагивал бы не только законодательство, но и управление.

Критику независимой законодательной власти, основанной на пар-

³⁴ Алексеев Н. Н. Куда идти? К вопросу о новой советской конституции. С. 32.

³⁵ Понятие демократии в евразийском контексте впервые использует Я. Д. Садовский в 1923 г. Он указывает, что демократичность идеального государственного строя в России проявляется в том, «...что власть должна просто “знать свою публику”, находиться в постоянном соприкосновении с настроениями народных масс, широко и последовательно идти навстречу их потребностям, опираться на моральную поддержку народа» (Оппонентам евразийства (письмо в редакцию Я. Д. Садовского) // Евразийский временник. Кн. III. Прага, 1923. С. 170). Тем не менее автор добавляет, что властвовать должно одаренное меньшинство. Толковый профессор стоит целой губернии, подчеркивал Садовский. Впоследствии «демократия» в трудах евразийцев приобрела дополнительное значение. «Демократичность» стала обозначать не «осведомленность» правящего меньшинства о нуждах населения, а «народность» государственной власти, превратившись из характеристики правящего слоя в признак связи подвластных и властвующих.

³⁶ См.: Алексеев Н. Н. На путях к будущей России (советский строй и его политические возможности). Берлин, 1927.

³¹ В конституционном проекте 1936 г. Алексеева появится коллективное руководство, но в тексте 1938 г. государство возглавляет избираемый президент (см.: Алексеев Н. Н. Куда идти? К вопросу о новой советской конституции. Берлин, 1936; Алексеев Н. Н. О будущем государственном строе в России. С. 89—114).

³² Алексеев Н. Н. К вопросу о преобразовании советского государственного строя. С. 78.

³³ Там же.

тийном представительстве, можно найти у основателя евразийства Николая Трубецкого, предлагавшего идею «многопарламентского правления». В такой системе первая палата представляет «идеологов», вторая — «спецов», третья — «чаяния населения». При такой системе партийные выборы неуместны: каждый гражданин голосует не за партии, а за специальные организации, представляющие интересы граждан в определенной сфере общественной жизни. Например, голосуют: за общество защиты прав потребителей, за союз военных, за евразийских идеологов.

Таким путем Трубецкой стремился упразднить причину многопартийности. По мнению автора, при выборах в парламент (как единый орган) избиратель отдает свой голос в пользу того, кто представит программу, дающую ответы на волнующие его вопросы, связанную со многими сферами общественной жизни. Схожие политические проекты объединяются в консолидированные программы, образуются партии. Однако это ведет к тому, что партия, защищая одно пожелание избирателя, часто противоречит другому. Трубецкой приводит в пример квартиранта-католика: католическая партия защищает его религию, но не защищает имущественные интересы, охраняя права собственников квартир, тогда как социалистическая партия, действуя в интересах квартиросъемщиков, стремится к ограничению религиозного образования³⁷.

«Многопарламентская» модель во многом отражает платоновское деление общества на три части: философов («идеологов»), воинов («спецов») и производителей («представителей профессиональных сообществ»). Однако Трубецкой прямо не говорит о первенстве какого-либо

из органов: каждая палата, действуя в строго очерченной сфере, принимает нормы, обязательные для всего населения. В случае возникновения коллизий создаются согласительные комиссии, проводятся пленарные заседания всех парламентов. Должен также существовать «особый сенат» или иной орган, устраняющий эти коллизии. При этом все граждане должны состоять в различных общественных союзах, что заставляет вспомнить об идее корпоративного государства Б. Муссолини.

Многие в 1920-е гг. проводили параллели между евразийской идеократией и фашистским политическим проектом³⁸. Однако эти параллели обозначались до кристаллизации фашистского режима и появления его тесной связи с нацизмом и расизмом. Ф. А. Степун и С. И. Гессен называли евразийство «русским фашизмом» задолго до 1933 г. Фашизм не представлял на тот момент четкой политической идеологии и практики, евразийцы несколько раз высказывали в адрес него несколько комплиментов, но впоследствии отрицали свою близость фашизму. В опубликованных в «Евразийских хрониках» рецензиях И. С. Белецкого и Л. П. Карсавина на работы фашистского идеолога Дж. Джентиле и др. содержится весьма сдержанное отношение к фашизму³⁹. Саму же идею «корпорати-

³⁸ См.: Гессен С. И. Евразийство // Современные записки. 1925. № 27. С. 499; Степун Ф. А. Евразийский временник. Книга третья. Евразийское издательство // Современные записки. 1923. № 15. С. 400—407.

³⁹ См.: Белецкий И. Рецензия на: Prezzolini G. Le Fascisme. Traduit d'italien par Georges Bourgin. Paris, 1925 // Евразийская хроника. Вып. 7. Париж, 1927. С. 51—55; Карсавин Л. Рецензия на: Gentile G. Che cosa é il fascismo. Discorsi e polemiche. Firenze, 1925 // Евразийская хроника. Вып. 8. Париж, 1927. С. 53—55. Карсавин, подробно раскрывая взгляды Дж. Джентиле, ограничивается не самым глубоким критическим комментарием, обличая фашистский им-

³⁷ См.: Письма Н. С. Трубецкого к П. Н. Савицкому // Соболев А. В. О русской философии. СПб., 2008. С. 459.

визма» в среде евразийцев оспаривал Н. Н. Алексеев, утверждавший, что «единственно возможным организационным принципом истинного демократического строя является единица населения территории, объединенная общими экономическими интересами»⁴⁰, а отнюдь не общественная организация или сословие.

Идея смешанного правления. Развивая идеи евразийца Петра Савицкого об «идеалоправстве», Николай Трубецкой предлагал весьма своеобразную конструкцию многопарламентской «идеократии», правления идеологов. Отвергая идеи многопартийности и разделения властей, он допускал советский принцип заместительства: «...вне сессии парламента власть принадлежит президиуму, вне сессий президиума — председателю, но председатель обязан отчитываться перед президиумом, а президиум — перед парламентом...»⁴¹.

Вместо классической идеи разделения властей евразийцы предлагали (в духе сторонников смешанного правления) соединить элементы различных типов власти. Их «демотия» сочетала элементы «народоводительства», т. е. водительства идеологами народа и народного представительства. В то же время это очевидное развитие советской модели: евразийцы всерьез верили в то, что они смогут прийти к власти

периализм и не посягая на сердцевину его учения — тезис о примате государства как формы, о готовности жертвовать частным ради всеобщего закона государства.

⁴⁰ Алексеев Н. Н. К вопросу о преобразовании советского государственного строя // Евразийский сборник. Прага, 1929. С. 78. Близость евразийства и фашизма состояла не в вопросах корпоративизма, а в общей критике партийного режима, а также либеральной концепции минимального государства как явно недостаточного в ситуации построения новых этико-политических систем.

⁴¹ Письма Н. С. Трубецкого к П. Н. Савицкому. С. 458.

в СССР⁴², поэтому отталкивались от действовавших в Советской России правовых актов.

Один из просоветски настроенных евразийцев Петр Сувчинский считал, что «нужно искать будущие формы русской государственности в принципе народной автократии, наилучшим образом сочетающей в себе народный суверенитет с началом народоводительства»⁴³. Принцип народоводительства толкуется автором идеократически, «...в том смысле, что народ идейно-культурно и политически руководим выражающей его волю инициативной частью — “отбором”»⁴⁴. Подобный принцип, по мнению автора, типичен для коммунизма.

Представители иных течений, традиционно рассматриваемых в рамках идеологий «Третьего пути», также активно критиковали в 1920—1930-е гг. парламентскую демократию и модели разделения властей. Национал-большевик Н. В. Устрялов в книге о немецком нацизме подчеркивал: «Логически демократию и парламентаризм, если угодно, можно отстаивать и оправдывать. Но суть в том, что безнадежно отрицает либеральный, демократический, парламентарный человек, человеческий материал. От парламентаризма и демократии уходят, уводятся души»⁴⁵.

Классики евразийства предлагали разделить власти не по функциональному, персональному или институциональному основанию, а скорее по критерию сущности вла-

⁴² См.: Шатилов А. Б. Евразийство как феномен политической культуры: двадцатые годы XX века: дис. ... канд. полит. наук. СПб., 1999. С. 143—144.

⁴³ Сувчинский П. П. Монархия или сильная власть? // Евразийская хроника. Вып. 9. Париж, 1927. С. 24.

⁴⁴ Сувчинский П. П. О ликвидации и наследии социализма // Евразийская хроника. Вып. 8. Париж, 1927. С. 14.

⁴⁵ Устрялов Н. В. Германия. В круговороте фашистской свастики. М., 2012. С. 34.

сти⁴⁶. Власть идейная, основанная на знании, власть-константа должна принадлежать идеологам. Власть народная, демотическая, восприимчивая к изменчивости и динамичности жизни, — представителям народа, избираемым путем многоступенчатых выборов, исключающих популизм и партийные манипуляции. Судебная власть во многом примыкает к исполнительной, не входя с ней в противоречие.

Эта модель во многом напоминает легализованный вариант дуализма

⁴⁶ Иной механизм сосуществования динамического начала и особой константы можно найти, по мнению В. А. Четвернина, в парламентарном государстве: «Законодательную и правительственную политику здесь определяет партия, побеждающая на парламентских выборах, точнее, партийная политическая элита, контролирующая нижнюю палату парламента и формирующая правительство. Столь важная роль политических партий в сферах деятельности законодательной и исполнительной властей позволяет характеризовать парламентарные страны как “государство партий”... Тем не менее “в государстве партий” в правовом поле деятельности институтов законодательной и исполнительной власти существует функциональное и персональное разделение властей. Правда, функционально здесь различаются не законодательная и исполнительная, а так называемая партийная и административная ветви власти... Партийная власть — это не “власть партии”, а такая сфера осуществления государственной власти, в которой действует политическая партия (коалиция партий), победившая на выборах. Административную власть осуществляет внепартийная профессиональная бюрократия, организованная в систему органов (институтов) исполнительной власти. Состав функционеров административной власти не меняется в зависимости от того, какая партия приходит к власти и формирует правительство» (Проблемы общей теории права и государства. М., 2002. С. 601—602). «Парламентарная» модель в корне противоречит «евразийской»: идеологическое начало в первой вариативно, у евразийцев оно постоянно.

партийной и государственной власти в СССР без примата марксизма в качестве государственной идеологии. Если партийные решения во многом предвосхищали действия государственной власти, то в евразийской модели, вероятно, следует говорить о балансе властей и поиске компромиссов.

Заключение. Основной проблемой для евразийцев в 1920—1930-е гг. было не тираническое правление, а существование Российского государства после революций 1917 г. и поражения в Первой мировой войне. Цель их политико-правовых проектов состояла в наполнении «пустых» либерально-демократических форм конкретным идейным содержанием. В связи с этим Н. Алексеев отрицал идею независимости суда: судебная власть не должна быть независима от других ветвей государства; она призвана воплощать в себе народное и государственное начала, не быть безучастным арбитром при разрешении споров, а вместе с другими участниками процесса стремиться отыскать истину. Впоследствии ученый высказался в пользу принципа независимости суда, отвергнув идею, что судебные реформы 1864 г. имели прежде всего неблагоприятное значение для правовой системы России.

Взамен разделению властей евразийцы предлагали идею баланса властей: народно-демотической и идеологической. Первая, по мнению Алексеева, воплощалась бы в системе Советов, формируемых по «принципу заступления», вторая — в наличии «государственного актива», отбираемого по принципу верности «общей идее», евразийству. Н. Трубецкой предлагал концепцию «многопарламентского правления»: в этой системе партийные выборы были бы неуместны: каждый из граждан голосует не за партии, а за специальные организации, представляющие их интересы в определенной сфере общественной жизни.

Идеи евразийцев, с одной стороны, имели сходство со взглядами иных авторов, традиционно рассматриваемых в рамках идеологий

«третьего пути», с другой — были созвучны советским конституционным проектам, отвергавшим буржуазные идеи разделения властей.

Библиографический список

- Plato. *Gorgias*. Oxford, 2008.
- Weston C. C. *English Constitutional Doctrines from the Fifteenth Century to the Seventeenth: II. The Theory of Mixed Monarchy Under Charles I and After* // *The English Historical Review*. 1960. Vol. LXXV. Iss. 296.
- Алексеев Н. Н. Записка о суде // *Евразийская хроника*. Вып. IX. Париж, 1927.
- Алексеев Н. Н. Изобличенный Смердяков // *Новая Россия*. 1937. № 21.
- Алексеев Н. Н. К вопросу о преобразовании советского государственного строя // *Евразийский сборник*. Прага, 1929.
- Алексеев Н. Н. Куда идти? К вопросу о новой советской конституции. Берлин, 1936.
- Алексеев Н. Н. На путях к будущей России (советский строй и его политические возможности). Берлин, 1927.
- Алексеев Н. Н. О будущем государственном строе в России // *Новый град*. 1938. № 13.
- Алексеев Н. Н. О гарантийном государстве // Алексеев Н. Н. *Русский народ и государство*. М., 1998.
- Алексеев Н. Н. Пути и судьбы марксизма: от Маркса и Энгельса к Ленину и Сталину. Берлин, 1936.
- Алексеев Н. Н. Религия, право и нравственность. Париж, 1930.
- Белецкий И. Рецензия на: *Prezzolini G. Le Fascisme. Traduit d'italien par Georges Bourgin*. Paris, 1925 // *Евразийская хроника*. Вып. 7. Париж, 1927.
- Боден Ж. Шесть книг о государстве // *Антология мировой политической мысли: в 5 т.* Т. 2. М., 1999.
- Вейсман А. Д. *Греческо-русский словарь*. М., 1991.
- Гессен С. И. *Евразийство* // *Современные записки*. 1925. № 27.
- Гоббс Т. *Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского*. М., 2001.
- Данилевский Н. Я. *Россия и Европа* // *Классика геополитики, XIX век*. М., 2003.
- Жувенель Б. де. *Власть. Естественная история ее возрастания*. М., 2011.
- Карсавин Л. Рецензия на: *Gentile G. Che cosa é il fascismo. Discorsi e polemiche*. Firenze, 1925 // *Евразийская хроника*. Вып. 8. Париж, 1927.
- Кревельд М. ван. *Расцвет и упадок государства*. М., 2006.
- Леонтьев К. Н. Чем и как наш либерализм вреден // Леонтьев К. Н. *Восток, Россия и славянство*. М., 2007.
- Монтескье Ш.-Л. *О духе законов*. М., 2011.
- Назмутдинов Б. В. Критика Г. Д. Гурвичем правовых воззрений евразийцев // *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 2014. № 1.
- Оппонентам евразийства (письмо в редакцию Я. Д. Садовского) // *Евразийский временник*. Кн. III. Прага, 1923.
- Письма Н. С. Трубецкого к П. Н. Савицкому // Соболев А. В. *О русской философии*. СПб., 2008.
- Проблемы общей теории права и государства. М., 2002.
- Савицкий П. Н. Подданство идеи // *Евразийский временник*. Кн. 3. Берлин, 1923.
- Скиннер К. Значение и понимание в истории идей // *Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории*. М., 2018.
- Степун Ф. А. *Евразийский временник*. Книга третья. Евразийское издательство // *Современные записки*. 1923. № 15.
- Сувчинский П. П. *Монархия или сильная власть?* // *Евразийская хроника*. Вып. 9. Париж, 1927.
- Сувчинский П. П. *О ликвидации и наследии социализма* // *Евразийская хроника*. Вып. 8. Париж, 1927.

Трубецкой Н. С. О государственном строе и форме правления // Евразийская хроника. Париж, 1927. Вып. 7.

Устрялов Н. В. Германия. В круговороте фашистской свастики. М., 2012.

Шатилов А. Б. Евразийство как феномен политической культуры: двадцатые годы XX века: дис. ... канд. полит. наук. СПб., 1999.

Шахматов М. В. Государство правды: опыт по истории государственных идеалов в России // Евразийский временник. Кн. IV. Берлин, 1924.

Шмитт К. Учение о конституции // Шмитт К. Государство и политическая форма. М., 2010.

Штраус Л. Естественное право и история. М., 2007.

References

Alekseev N. N. Note on the Judiciary. *Eurasianist Chronicle*. Iss. IX. Paris, 1927. Pp. 16—21. (In Russ.)

Alekseev N. N. On the Future of the State Structure in Russia. *Novyy grad*, 1938, no. 13, pp. 9—114. (In Russ.)

Alekseev N. N. On the Guarantee State. In Alekseev N. N. *Russian Nation and State*. Moscow, 1998, pp. 372—385. (In Russ.)

Alekseev N. N. On the Ways to the Future of Russia (Soviet System and its Political Opportunities). Berlin, 1927. 75 p. (In Russ.)

Alekseev N. N. Religion, Law and Morality. Paris, 1930. 106 p. (In Russ.)

Alekseev N. N. Revealed Smerdyakov. *Novaya Rossiya*, 1937, no. 21, pp. 11—12. (In Russ.)

Alekseev N. N. The Ways and Fates of Marxism: From Marx and Engels to Lenin and Stalin. Berlin, 1936. 102 p. (In Russ.)

Alekseev N. N. Towards the Issue of Soviet State Structure's Reforming. *Eurasianist Edition*. Praga, 1929. Pp. 78—81. (In Russ.)

Alekseev N. N. Where to go? Towards the Issue of the New Soviet Constitution. Berlin, 1936. 43 p. (In Russ.)

Beletskiy I. Review on: Prezzolini G. Le Fascisme. Traduit d'italien par Georges Bourgin. Paris, 1925. *Eurasianist Chronicle*. Iss. 7. Paris. 1927. Pp. 53—55. (In Russ.)

Boden Zh. The Six Books of the Republic. *Antology of Global Political Thought*. Vol. 2. Moscow, 1999. Pp. 689—695. (In Russ.)

Danilevskiy N. Ya. Russia and Europe. *Classics of Geopolitics in 20th century*. Moscow, 2003. Pp. 275—679. (In Russ.)

Gessen S. I. Eurasianism. *Sovremennye zapiski*, 1925, no. 27, pp. 494—507. (In Russ.)

Gobbs T. Leviathan or The Matter, Form and Power of a Commonwealth Ecclesiastical and Civil. Moscow, 2001. 478 p. (In Russ.)

Karsavin L. Review on: Gentile G. Che cosa é il fascismo. Discorsi e polemiche. Firenze, 1925. *Eurasianist Chronicle*. Iss. 8. Paris, 1927. Pp. 53—55. (In Russ.)

Krevel'd M. van. The Rise and Decline of the State. Moscow, 2006. 544 p. (In Russ.)

Leont'ev K. N. What and how Our Liberalism is Harmful. In Leont'ev K. N. *The East, Russia, and Slavdom*. Moscow, 2007. Pp. 483—503. (In Russ.)

Letters from N. S. Trubetsky to P. N. Savitsky. In Sobolev A. V. *On Russian philosophy*. St. Petersburg, 2008. Pp. 327—492. (In Russ.)

Montes'k'e Sh.-L. The Spirit of the Laws. Moscow, 2011. 813 p. (In Russ.)

Nazmutdinov B. V. George Gurvitch's critique of the Eurasianist Legal Views. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie*, 2014, no. 1, pp. 203—214. (In Russ.)

Plato. Gorgias. Oxford, 2008. 224 p.

Savitskiy P. N. Allegiance of Idea. *Eurasianist Edition*. Book 3. Berlin, 1923. Pp. 9—17. (In Russ.)

Shakhmatov M. V. The State of Truth: Research in the History of Political Ideals in Russia. *Eurasianist Edition*. Book IV. Berlin, 1924. Pp. 55—80. (In Russ.)

Shatilov A. B. Eurasianism as a phenomenon of political culture: the twenties of the 20th century. Cand. diss. St. Petersburg, 1999. 182 p. (In Russ.)

Shmitt K. Constitutional Theory. In Shmitt K. *State and Political Form*. Moscow, 2010. Pp. 33—210. (In Russ.)

- Shtraus L. Natural Right and History. Moscow, 2007. 312 p. (In Russ.)
- Skinner K. Meaning and Understanding in the History of Ideas. *Cambridge School: Theory and Practice of Intellectual History*. Moscow, 2018. Pp. 53—122. (In Russ.)
- Stepun F. A. Eurasianist Edition. Book Three. Eurasianist Publishing House. *Sovremennye zapiski*, 1923, no. 15, pp. 400—407. (In Russ.)
- Suvchinskiy P. P. Monarchy or the Strong Power? *Eurasianist Chronicle*. Iss. 9. Paris, 1927. Pp. 22—24. (In Russ.)
- Suvchinskiy P. P. On the Elimination and Legacy of Socialism. *Eurasianist Chronicle*. Iss. 8. Paris, 1927. Pp. 13—15. (In Russ.)
- The Issues of General Theory of Law and State. Moscow, 2002. 816 p. (In Russ.)
- To the opponents of Eurasianism (J. D. Sadovsky's Letter to the Editorial Board). *Eurasianist Edition*. Book III. Praga, 1923, pp. 149—174. (In Russ.)
- Trubetskoy N. S. On State Regime and Form of Ruling. *Eurasianist Chronicle*. Paris, 1927. Iss. 7. Pp. 3—9. (In Russ.)
- Ustryalov N. V. Germany. In the cycle of the fascist swastika. Moscow, 2012. 272 p. (In Russ.)
- Veysman A. D. Greek-Russian dictionary. Moscow, 1991. 685 p. (In Russ.)
- Weston C. C. English Constitutional Doctrines from the Fifteenth Century to the Seventeenth: II. The Theory of Mixed Monarchy Under Charles I and After. *The English Historical Review*, 1960, vol. LXXV, iss. 296, pp. 426—443.
- Zhuvenel' B. de. On Power: The Natural History of Its Growth. Moscow, 2011. 544 p. (In Russ.)
-